

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2023.15.46.039

Понятие «одиночество» как культурная трансформация личности в контексте кризиса национальной идентичности в Германии

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Аннотация

Тема одиночества в контексте культурной трансформации личности занимает важное место в немецкой литературе и поэзии. Понятие «одиночество» волновало и мучило Гете, Шопенгауэра, поэтов Шенкендорфа и Шлегеля, оно нашло отражение и в популярном немецком журнале по культуре. Эскапизм и упадническое настроение являются составной частью понятия одиночества. Романтическая традиция пристально исследовала внутренний мир человека, рассматривая проблему одиночества как состояние личности и как цель для духовного и культурного роста человека. Современный мир с его технологиями позволяет личности заменить дефицит качественного живого социального общения, мгновенно погружая ее в различные культурные миры. Однако уже задолго до появления компьютерного мира новая немецкая культурная традиция «чтение всей семьей или с группой друзей» журнала по культуре «Гартенлаубе» считала своей главной целью избавить человека от тягостного ощущения одиночества. Журнал вдохновлял личность, по сути, возвращал в рамки семейных ценностей. Эта культурная трансформация через журнал по культуре была необходима личности, поскольку было утрачено чувство семьи, коллектива, а нормой стало одинокое праздное времяпрепровождение или в малознакомой группе. Данная тема исследования представляет интерес, поскольку мы сегодня сталкиваемся с глобальной переоценкой семейных и личностных ценностей в культуре разных стран, которая одновременно сопровождается кризисом культурной и национальной идентичности личности. В статье прослеживается ценность понятия одиночества у Гете, Шопенгауэра, в поэзии Шенкендорфа и Шлегеля, Уланда, Рюкерта.

Для цитирования в научных исследованиях

Фидарова Ф.К. Понятие «одиночество» как культурная трансформация личности в контексте кризиса национальной идентичности в Германии // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 9А. С. 308-318. DOI: 10.34670/AR.2023.15.46.039

Ключевые слова

Одиночество, культурная трансформация, эскапизм, амбивалентность, гармония.

Введение

Погружаясь в смысл слова «одиночество», мы сразу же сталкиваемся с его отрицательной коннотацией для русского культурного пространства, однако в немецком мире оно характеризуется амбивалентностью. Немцы любят свое понятие *Einsamkeit*, даже гордятся им как чисто немецким изобретением, поскольку это путь для достижения гармонии, однако благодаря Шопенгауэру немцы поняли, что чем совершенней создан природой человек, тем неизбежнее, тем полнее он одинок. Немецкий мир пословиц созвучен духовному представлению Шопенгауэра о том, что одиночество является лучшей школой для формирования мудрости – *Einsamkeit ist die Schule der Weisheit*.

Для русского культурного пространства «одиночество» содержит отрицательную составляющую, ибо в нем издавна прочно функционирует тяготение к миру общества – «на миру и смерть красна». Данная русская пословица наиболее ярко отражает культурный мир и степень тяготения русской души, главное место в котором занимает общество, группа людей, но не замкнутый изолированный круг одиночества. Да и сельская община на Руси когда-то имела название Мир.

Основная часть

В указанный выше амбивалентный мир понятия «одиночество» в немецком культурном пространстве погружает нас Шопенгауэр:

«Вообще человек может находиться в совершенной гармонии лишь с самим собой; это невысказано ни с другом, ни с возлюбленной: различия в индивидуальности и настроении всегда создадут хотя бы небольшой диссонанс. Поэтому истинный, глубокий мир и полное спокойствие духа – эти, наряду со здоровьем наивысшие земные блага, – приобретаются в уединении и становятся постоянными только в совершенном одиночестве» [Шопенгауэр, 2011, 226-227].

Шопенгауэр идет еще дальше и призывает личность к самоизоляции: «Чем реже, вследствие субъективных или объективных условий, человек соприкасается с другими, тем лучше для него. Если уединение, безлюдье и имеют свои темные стороны, то, по крайней мере, они заранее известны: напротив, общество, под личиною времяпровождения, бесед, развлечений, коварно скрывает множество часто непоправимых бед. Юношество следовало бы прежде всего другого учить переносить одиночество, так как в нем источник счастья и душевного спокойствия» [там же, 227].

По Шопенгауэру одиночество является благом для человека: «Отсюда следует, что благо тому, кто рассчитывает только на себя и для кого его «я» – все» [там же].

Стойкость духа, согласно Шопенгауэру, вырабатывается также посредством одиночества: «С другой стороны, людей делает общительными их неспособность переносить одиночество, т. е. самих себя. Внутренняя пустота и отвращение к самим себе гонят их в общество, на чужбину или путешествия. Их дух не имеет силы привести себя в движение и сил этих они ищут в вине, причем нередко становятся пьяницами» [там же].

Однако Шопенгауэр предлагает личности эффективный вариант использования опыта прошлого: «Чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще припоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито,

сделано, познано и прочувствовано при этом, сравнивать свои прежние суждения с настоящими, сопоставлять свои задания и усилия с результатами и с полученным удовлетворением. Это будет, так сказать, повторением тех лекций житейской мудрости, какие опыт читает каждому» [там же, 220-221].

Одиночество гарантирует человеку свободу, что позволит ему добиться, скажем, независимости или реализовать свою личность: «Человек может быть всецело самим собою лишь пока он один; кто не любит одиночества – тот не любит свободы, ибо лишь в одиночестве можно быть свободным» [там же, 223].

Согласно Шопенгауэру, любое общество неизбежно требует взаимного приспособления, уравнения. «Принуждение – это неразлучный спутник любого общества, всегда требующего жертв тем более тяжелых, чем выше данная личность. Поэтому человек избегает, выносит или любит одиночество сообразно с тем, какова ценность его «я». В одиночестве ничтожный человек чувствует свою ничтожность, великий ум – свое величие, словом, каждый видит в себе то, что он есть на самом деле. Далее, чем совершенней создан природой человек, тем неизбежнее, тем полнее он одинок» [там же, 223-224].

Однако и в русском культурном пространстве, а именно в литературе, есть обширный амбивалентный материал, позволяющий сделать выбор между одиночеством и обществом. Речь идет о произведениях Толстого и Достоевского. «У Толстого велико его чувство внутренней слитности человека с человечеством, его органической принадлежности человечеству. Дан человек и человечество одновременно, и один неотделим от другого. У него человек есть часть огромного мира» [Волынский, 2011, 656].

Истинный смысл человеческих устремлений и действий у Достоевского иной. «У Достоевского человек сам по себе есть некоторый мир, только соприкасающийся с другими мирами, с другими людьми. И этот мир шевелится в какой-то темноте, вдали от вольного воздуха, в оторванности от неторопливо живущей толпы, в конвульсивном стремлении к Богу помимо людей. У него человек живет в страшном одиночестве. И, кажется, что он ничего не видит, кроме себя или предметов своих страстей, кроме того, что происходит внутри его» [там же, 656-657].

Согласно Волынскому, культурно-передовые силы общества жили эстетикой индивидуализма и метались в искании обновительной метафизики. Продолжая эту мысль, Волынский уверен, что современный человек пережил психологическую диалектику Достоевского, взял от нее все самое лучшее и чувствует себя на новой дороге. «Он начинает видеть односторонность индивидуалистического культа, он начинает тяготеть к обществу, ощущать свою связь с человечеством» [там же, 658].

В романе «Вертер» Гете также вводит ключевое слово «одиночество». Вертер с восторгом сообщает: «Одиночество – превосходное лекарство для моей души в этом райском краю, и юная пора года щедро согревает мое сердце, которому часто бывает холодно в нашем мире» [Гете, 2007, 22].

Однако Вертер, называя одиночество «лекарством для своей души», скорее подразумевает некий временный отдых от городской жизни и ее строгих социальных правил и требований, а не призыв полностью отгородиться от людей.

Это предположение подтверждается словами Вертера, когда он говорит, что это его сад: «Скоро я стану хозяином этого сада» [Гете, 2007, 22].

Параллельно Вертер указывает и на опасную черту одиночества – погружение в самоанализ.

Поэтому Вертер призывает нас, что «люди страдали бы гораздо меньше, если бы не развивали в себе так усердно силу воображения, не припоминали бы без конца прошедшие неприятности, а жили бы безобидным настоящим» [Гете, 2007, 21].

Путь Вертеру известен: «наслаждаться настоящим, а прошлое пусть останется прошлым» [Гете, 2007, 22].

Однако, видимо, в этом и заключается самое сложное, поскольку избавиться от прошлых воспоминаний и жить настоящим идеальным представлением о счастье и благополучие в определенном культурном и политическом пространстве человеку необходим опыт обращения к собственной воле. Главный фактор в этом контексте анализа заключается в том, что культура представляет собой определенную систему, которая управляет этим личным опытом, который откладывается в форме идеалов, знаний и морально-практических установок. Погрузившись в две разные культуры, русскую и немецкую, мы совершенно четко увидим эту разницу в укоренившихся представлениях. Русская душа, как известно, является для немецкого культурного пространства загадочной, немцы постигают ее до сих пор, но не могут. Хотя, на наш взгляд, таинственная русская душа содержит в себе следующее определение: единство русского и немецкого культурного мира как укрепление всего европейского культурно-политического пространства. Немецкая душа любит абстрактное мышление, поэтому немец не любит, когда за него формулируют выводы, он любит выводить их сам, даже если они губительные для него и не ведут к счастью.

Вертер убежден, что при «беспечном нраве все легко» [Гете, 2007, 74]. Таким образом, мы видим в этом послые ключ как человеку найти «лекарство для своей души». Вертер дополняет свою убежденность тем, что почитает счастливыми тех, «кто живет не задумываясь, подобно детям, нянчится со своей куклой, одевает и раздевает ее и умильно ходит вокруг шкафа, куда мама заперла пирожное, а когда доберется до сладенького, то уплетает его за обе щеки и кричит: еще!» [там же, 22].

Вертер, выдвигая беспечный нрав и жизнь без особых притязаний на первый план, указывает человеку искомый путь душевного спокойствия, следовательно, счастья. Тем не менее он видит и обратную сторону подобного счастья: «Великая вещь – душевное спокойствие и довольство собой. Только б не было, милый друг, это сокровище столь же хрупким, сколь оно ценно и прекрасно!» [там же, 81].

Однако Вертер убежден и в том, что даже философ, гордящийся своим интеллектом, лишь бессмысленно бродит среди своих собственных иллюзий, не умея ответить на последние вопросы бытия, на вопрос о том, откуда мы вышли и куда идем.

С другой стороны, Вертер выражает свое отношение к окружающему миру, от которого зависит наше душевное состояние. «Раз уж мы так созданы, что все примеряем к себе и себя ко всему, – значит, радость и горе зависят от того, что нас окружает, и ничего нет опаснее одиночества» [там же, 74].

Следует отметить, что Гете в личных письмах к другу Ризе описывал свою жизнь, используя словосочетание в одиночестве, в одиночестве, совсем одиноко и от этого в моей душе поселилась какая-то печаль.

Таким образом, одиночество и печаль, можно утверждать, как будто вечные спутники человека, они неразрывно связаны, и их можно проследить в конкретных критических ситуациях.

Бегство от одиночества выражается понятием эскапизм.

С проблемой одиночества в форме эскапизма немецкое общество столкнулось после поражения революции 1848 г. в Германии, буржуазия и средний класс потеряли надежду на приобретение политической власти, подобно той, что была получена французами в 1832 г.

Образованный средний класс требовал дать ей «западноевропейскую структуру, структуру, которую французы у себя уже ввели, и уже как раз проводила Италия» [Gartenlaube, 1931, 3].

Однако после поражения в революции эти либеральные надежды рухнули и «в последующий период в обычай вошел эскапизм и упадническое настроение» [Крейг, 1982, 214].

Как видно, время требовало создания журнала по культуре, ибо средний класс был лишен всякого деятельного участия в государственном управлении. Надо особо выделить тот факт, что это время без радио, телевидения, путешествия дальние были опасны и стоили дорого.

В 1853 г. в Германии начал выходить самый популярный Kulturzeitschrift «Гартенлаубе» (нем. die Gartenlaube), служивший зеркалом как просвещенного гуманизма либеральной буржуазии, так и ее литературных пристрастий» [там же, 347].

По мысли Г. Квойдрака, «аппетитный кусок», который предложили читателям в «Гартенлаубе» – много Unterhaltung (нем. развлечение), также немного Belehrung (нем. поучение) и совсем немного политики, видимо, «был как раз той пищей, которую желали после поражения революции самые широкие слои населения и главным образом мелкая буржуазия» [Cwoidrak, 1982, 5].

Цели и задачи журнала были изложены в полном реестре «Гартенлаубе», где подчеркивалось, что «путеводной звездой отныне для него стало содействие духовному и материальному благу народа» [Estermann, 1995, 307]. Соответственно этой цели должен был служить подбор сообщений в журнале, который должны были сделать его сотрудники. Редакция отмечала, что самая главная задача журнала – это открыть доступ к самому лучшему, что сумели предложить наука и искусство в популярном, доступном для простого понимания и всегда в хорошем изложении. Эти круги необходимо было возвеличивать, так как лишь «образование делает свободным, и все же он хотел одновременно угодить самым высоким требованиям образованных людей» [там же].

По-видимому, уже само название журнала «беседка в саду» – die Gartenlaube, настраивала читателей на что-то близкое, интимное, доверительное, с которой была связана жизнь многих поколений.

Беседка стала спасением от одиночества. Содержание журнала составляли романы, новеллы и рассказы с продолжениями, которые ранее нигде не публиковались и только немецких авторов, стихи и фельетоны. Значительное место отводилось страноведению, позже добавилась женская мода, рубрика письма читателей, советы домохозяйке, человек и его здоровье, различные изобретения в области науки и техники. Советы, как вести себя в обществе, разумеется, представляли интерес для любого возраста и особенно для молодого поколения.

Большому успеху журнала способствовали романы с продолжениями со специфической развлекательной литературой. О роли развлекательной литературы в жизни различных слоев населения очень точно выразился Пруц: «Какая безвкусица, какие скучные эти произведения, и все же они были со вкусом, все еще достаточно занимательны, чтобы сотням и тысячам служить досугом. Они, кажется, какими бы старомодными и неприятными нам ни казались, достаточно точно передали атмосферу своего времени и симпатии своего окружения. Таким

образом, несмотря ни на что, они все же и сегодня составляют органическую составную часть общественного духа; и мы ведь сами (чтобы сказать все) без них не стали бы тем, кем мы являемся» [Langenbacher, 1964, 9].

Следует заметить, что в то время люди искали покой природы рядом, так как путешествовать было еще очень опасно тогда, не знали поездок на отдых в горы или на море. Путешествие пешком еще не приобрело характер романтического или спортивного. Очевидно, что беседка являлась тем самым „близким местом“ для отдыха, где безопасно, уютно, все напоминает о тепле и близости родного дома и в то же время окутано романтизмом. Титульный лист журнала с романтической цветной беседкой пытался привить немцам обновленный культурный код, который давал им надежду на будущее культурное, духовное и материальное развитие в эпоху кризиса.

После проигранной Первой мировой войны у немцев, разумеется, усилилось чувство одиночества и неопределенности. Однако журнал призвал немцев избавиться от снобистской разобщенности в области культуры, от всего ненужного и тормозящего дальнейшее развитие. От чувства одиночества можно было легко избавиться, поскольку журнал убеждал, что «... лозунг нашего будущего должен называться: сплочение немцев! Сплочение политическое и культурное, сплочение внутреннее и внешнее» [Gartenlaube, 1915, 939].

Особое чувство одиночества, разумеется, было характерно для немцев, проживавших в немецких колониях в Северной Америке, т. е. немцев, покинувших свою родину после поражения революции 1848 года и перебравшихся за океан. И это естественно, что у этих людей была ностальгия по своей исторической родине и немецкой культуре. Благодаря журналу по культуре «Гартенлаубе» немцы в немецких колониях смогли передать свою любовь к своим культурным традициям своим детям. К. Пфмаер вспоминала, что родители выписывали «Гартенлаубе» и «мы радовались каждую неделю очередному номеру, являвшимся для нас невидимой нитью со старой родиной и культурой» [там же, 152].

Тот факт, что он играл огромную роль в жизни каждого немца, подтверждают и другие слова Пфмаер: «И старые и новые номера не изменились в том, что они служили немецкой национальности, и раньше они целенаправленно помогали на чужбине сохранить немца для немецкой нации, иначе он оказался бы во власти одного из наших наследственных заболеваний - растворения в чужой народности» [там же].

Разумеется, это всего лишь отрывок из большого письма автора, но таких писем было много. Однако по его тону достаточно легко обнаружить, насколько «Гартенлаубе» помогал в реальной жизни и выполнял свой долг перед родиной, сохраняя за границей немецкий язык и немцев как нацию. Ибо у этих немцев было особое чувство одиночества, связанное с тоской по Германии и страхом потерять на чужбине свою культуру и свой родной немецкий язык.

Стоит отметить, что чувство одиночества и тоски было у и членов семьи, потерявших друг друга во время войны или при других обстоятельствах, и оказавшихся в других государствах. Журнал много сделал и для объединения членов таких семей, пребывавших в угнетенном состоянии и с чувством одиночества. Усилия журнала в этом направлении не всегда приводили к полному успеху, но, по крайней мере, давали надежду многочисленным отчаявшимся соотечественникам. Эту мысль подтверждали объявления с «Vermisstenliste» (нем. список пропавших без вести) и их задачей было помочь тем немецким семьям, чьи родственники пропали без вести за границей, отыскать их [Gartenlaube, 1915, 192].

Парадигма культурной трансформации личности очень необычным образом проявляется и

в немецкой поэзии. Эта тенденция указывает на чисто немецкий фактор, который оказал благотворное влияние на немцев в эпоху кризисных явлений. Некоторые поэты считали, что немец по-настоящему начинает ценить огромное значение родного языка (нем. *Muttersprache*) только за границей. Сильное чувство тоски, одиночества, которое охватывает немца в чужой стране, наиболее трогательное выражение находит в стихотворении Августа Вильгельма Шлегеля (1767-1845) «In der Fremde» («В чужой стране», 1816):

Oft hab' dich rauh gescholten, Und nun irr' ich in der Ferne
Muttersprache, so vertraut! Freudenlos von Ort zu Ort,
Höher hätte mir gegolten. Und vernähm', ach, wie so gerne
Südlicher Sirenenlaut Nur ein einzig *deutsches Wort!* ...
[Schlegel, 1846, 258].

Необходимо отметить, что идея любви и прославления немецкого языка была продолжена и другими поэтами. Так, Макс фон Шенкендорф (1784-1817) написал стихотворение «*Muttersprache*» в 1814 году. Шенкендорф также скучал в чужой стране по красивому, чудесному немецкому языку и считал свой родной немецкий язык героическим языком, который способен избавить от одиночества и тоски:

Ach, wie trüb ist meinem Sinn,
Wenn ich in der Fremde bin,
Wenn ich fremde Zungen üben,
Fremde Worte brauchen muß,
Die ich nimmermehr kann lieben,
Die nicht klingen als ein Gruß!

Sprache, schön und wunderbar,
Ach, wie klingest du so klar!
Will noch tiefer mich vertiefen
In den Reichtum, in die Pracht;

Ist mir' s doch, als ob mich riefen
Väter aus des Grabes Nacht.
Klinge, klinge, fort und fort,
Heldensprache, Liebeswort
[Schenkendorf, 1862, 300-301].

Патриотическо-романтический стиль был характерен для поэзии Шенкендорфа, особенно во время войны за Освобождение в 1813 году. Его «Боевая песня 1813 года» против наполеоновского господства способствовала росту патриотического чувства и энтузиазма немецкого народа. Разумеется, что его стихотворение о немецком языке в это судьбоносное культурно-историческое время также является выражением патриотизма, оно укрепляло национальное самосознание немецкого народа и избавляло от тоски и печали. И это чувство понятно, поскольку во время наполеоновского господства в Германии у поэтов и народа росла

ненависть ко всему французскому, а поэзия заставляла верить в лучшее культурное и политическое будущее.

Людвиг Уланд (1787-1882), поэт-романтик, хотя и не вступил в „общество немецкого языка“ культурного национального движения, членами которого были многие видные ученые и литературоведы, но в своих балладах воспевал красоту немецкого языка. Для Уланда немецкий язык и немецкое слово также являются спасением от тоски и одиночества. Самая популярная баллада «Die deutsche Sprachgesellschaft» (1817):

An deiner *Sprache* rüge
Du schärfer nichts, denn Lüge!
Die Wahrheit sei ihr Hort!

Verpflanz' auf deine Jugend
Die *deutsche* Treue und Jugend
Zugleich mit *deutschem* Wort!..

Sie sei dir Wort der Treue,
Sei Stimme zarter Scheue,
Sei echter Minne Gang!

Sie töne stolz! Sie weihe
Sich dahin, wo der Freie
Für Recht, für *Freiheit* spricht! [Uhland, O. J., 107]

Фридрих Рюкерт (1788-1886) поэт-романтик, патриот, ученый также прославляет свой родной немецкий язык в стихотворении „An unsere Sprache“ (1813). Для Рюкерта немецкий язык – это чистая, вечно красивая дева, окрыляющая и, следовательно, спасающая от одиночества и тоски: Reine Jungfrau, ewig schöne, Geistige Mutter deiner Söhne...

Spenderin aus reichem Horne,
Schöpferin aus vollem Borne,
Wohnerin im Sternenzelt!
Alle Höhen hast du erflügelt,
Alle Tiefen du entfliegelt,
Und durchwandelt alle Welt... [Rückert, O. J., 133].

Следует отметить, что Рюкерт также автор политической комедии «Наполеон», которая, по меткому замечанию Шерра, является «драгоценным поэтическим воодушевлением во время войны за освобождение» [Шерр, 1879-1880, 278].

Таким образом, патриотическо-романтический стиль, характерный для немецкой поэзии, содержал в себе также элементы, ограждающие личность в эпоху культурной и политической нестабильности в стране от угнетенного чувства одиночества, тоски и печали.

Очевидно, что вопросы, связанные с понятием одиночества, действительно не устарели, ибо потребность в ответе на них коренится глубоко в человеческой природе и их анализ в немецкой

культуре получает новую направленность.

Однако усиление социокультурной дифференциации современного мирового социума и кризис идентичности возрождает опасность возникновения крайних националистических воззрений и движений.

Современный компьютерный век избавляет человека постмодернизма от одиночества, погружая его в неиссякаемый источник новостей, убирая и расширяя преграды на его пути и одновременно сталкивая его с другими культурными кодами. Однако между этими культурными кодами легко встраивается образ врага. Pegida является в этом контексте ярким примером, поскольку это политическое патриотическое движение Европы.

Подобные движения часто следуют призыву не подчиняться тем механизмам, которые предпочитает актуальная культурная система страны. Они предпочитают действовать, как правило, в рамках столкновения культур и культурных моделей, сопрягая с политическим конфликтом. «Но даже в этом случае политический конфликт между Культурой и культурой – еще и все разрастающийся геополитический конфликт» [Иглтон, 2012, 123].

То, с чем сталкивается личность в интернете, – это культура, но «культура как смесь национализма, традиции, религии, этничности и народного чувства, которые, будучи в глазах Запада далеки от культуры, рассматриваются как полная ей противоположность» [там же].

Заключение

Для разумной жизни Шопенгауэр призывает личность почаще припоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, Гете, напротив, источник душевного покоя человека видит в забвении прошлого, прошедших неприятностей, т. е. жизнь должна быть наполнена только радостным настоящим. В эпоху кризиса культурной идентичности личности такой выбор представляет определенную трудность, однако существующий выбор возможности вселяет в человека уверенность и избавляет от эскапизма в широком смысле этого слова. Патриотическо-романтический стиль немецкой поэзии также указывает на многогранность выбора личности для ее культурной трансформации.

Библиография

1. Волинский А.К. Достоевский. СПб., 2011. 501 с.
2. Гете И. В. Страдания юного Вертера. Фауст. М.: Эксмо, 2007. 656 с.
3. Иглтон Т. Идея культуры. М., 2012. 192 с.
4. Крейг Г. Немцы. М., 1982. 162 с.
5. Шерр И. История всемирной литературы. СПб., 1879-1880. Т. 1-2.
6. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 2011. 368 с.
7. Cwoidrak G. Die Gartenlaube. Berlin, 1982.
8. Die Gartenlaube. Leipzig, 1931.
9. Estermann A. Inhaltsanalytische Bibliographien deutscher Kulturzeitschriften des 19 Jahrhunderts. Band 3. München, 1995. 336 s.
10. Langenbucher W. Der aktuelle Unterhaltungsroman. Bonn, 1964. 292 s.
11. Rückerts Friedrich gesammelte Werke. Berlin, O. J.
12. Schenkendorf M. Gedichte. Hrsg. Dr. Hagen A. Stuttgart, 1862. 89 s.
13. Schlegel A.W. Sämtliche Werke. Bd. 1. Leipzig, 1846. 258 s.
14. Uhlands Gedichte und Dramen. Bd. I. Berlin, O. J.

The concept of “loneliness” as a cultural transformation of personality in the context of the crisis of national identity in Germany

Fatima K. Fidarova

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of German Language and Culture,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Abstract

The theme of loneliness in the context of cultural transformation of personality occupies an important place in German literature and poetry. The concept of “loneliness” worried and tormented Goethe, Schopenhauer, the poets Schenkendorf and Schlegel, and it was reflected in a popular German cultural magazine. Escapism and a decadent mood are part of the concept of loneliness. The romantic tradition closely examined the inner world of man, considering the problem of loneliness as a state of personality and as a goal for the spiritual and cultural growth of a person. The modern world with its technologies allows the individual to replace the lack of high-quality live social communication, instantly immersing him in various cultural worlds. The new German cultural tradition of “reading with the whole family or with a group of friends” the cultural magazine “Gartenlaube” considered its main goal to relieve a person from the painful feeling of loneliness. The magazine inspired the individual, essentially returning him to the framework of family values. This cultural transformation through a cultural magazine was necessary for the individual, since the sense of family and team was lost, and spending time alone or in an unfamiliar group became the norm. The article traces the value of the concept of loneliness in Goethe, Schopenhauer, in the poetry of Schenkendorf and Schlegel, Uhland, Rückert.

For citation

Fidarova F.K. (2023) Ponyatie «odinochestvo» kak kul'turnaya transformatsiya lichnosti v kontekste krizisa natsional'noi identichnosti v Germanii [The concept of “loneliness” as a cultural transformation of personality in the context of the crisis of national identity in Germany]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (9A), pp. 308-318. DOI: 10.34670/AR.2023.15.46.039

Keywords

Loneliness, cultural transformation, escapism, ambivalence, harmony.

References

1. Craig G. (1982) *Nemtsy* [The Germans]. Moscow.
2. Cwoidrak G. (1982) *Die Gartenlaube*. Berlin.
3. (1931) *Die Gartenlaube*. Leipzig.
4. Eagleton T. (2012) *Ideya kul'tury* [The Idea of Culture]. Moscow.
5. Estermann A. (1995) *Inhaltsanalytische Bibliographien deutscher Kulturzeitschriften des 19 Jahrhunderts. Band 3*. München.
6. Goethe J.W. (2007) *Stradaniya yunogo Vertera. Faust* [The Sorrows of Young Werther. Faust]. Moscow: Eksmo Publ.
7. Langenbucher W. (1964) *Der aktuelle Unterhaltungsroman*. Bonn.

8. Rückerts *Friedrich gesammelte Werke*. Berlin, O. J.
9. Schenkendorf M. (1862) *Gedichte*. Hrsg. Dr. Hagen A. Stuttgart.
10. Schlegel A.W. (1846) *Sämtliche Werke*. Bd. 1. Leipzig.
11. Schopenhauer A. (2011) *Aforizmy zhiteiskoi mudrosti* [Aphorisms of Worldly Wisdom]. Moscow.
12. Scherr J. (1879-1880) *Istoriya vsemirnoi literatury* [Illustrated History of The World Literature]. St. Petersburg. Vols. 1-2.
13. *Uhlands Gedichte und Dramen*. Bd. 1. Berlin, O. J.
14. Volynskii A.K. (2011) *Dostoevskii* [Dostoevsky]. St. Petersburg.